

РЕФОРМА ГАРНИЗОНОВ 1764 г. И САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ

Русские военные гарнизоны появились в Нижнем Поволжье в конце XVI в., когда правительство, стремясь установить контроль над стратегически важной волжской транспортной артерией, основало здесь крепости Самара, Саратов и Царицын¹. В следующем столетии к ним прибавились Дмитриевская крепость² и Черноярский острог³. Основную массу жителей новых городов составляли служилые люди. В конце XVII – начале XVIII в. стрелецкое население низовых крепостей пополнилось «переведенцами» из Москвы и других городов Центральной России. В те же годы конные стрельцы переходят в статус городских казаков.

Снижение угрозы со стороны союзных калмыков и «понизовой вольницы», понесшей тяжёлое поражение при подавлении Булавинского бунта, позволило правительству привлечь служащих местных гарнизонов к участию в Северной войне и других дальних командировках. Отношение к стратегическому статусу Нижнего Поволжья изменилось после трагических событий 1717 г., когда относительно небольшой отряд ногайцев из прикавказских степей произвёл в правобережных районах от Астрахани до Пензы кровопролитный погром, едва не перечеркнувший более чем вековые колонизационные усилия России в регионе. Правительство решает вернуться к идее строительства укрепленной линии в Волжско-Донском междуречье, первые проекты возведения которой относились ещё к 80 – началу 90-х гг. XVII в. На усиление местных воинских сил были стянуты драгунские и пехотные полки, а также несколько тысяч малороссийских казаков. В рекордно короткие сроки на дистанции от Царицына до р. Дон была возведена укрепленная линия, ставшая крупнейшим фортификационным сооружением в Европе того времени. В 30-е гг. XVIII в. военные контингенты Нижнего Поволжья усилились за счёт переведённых сюда из Персидских провинций полков Низового корпуса и создания Волжского казачьего войска. С середины столетия к службе на Царицынской линии привлекли донских казаков.

20-е гг. XVIII столетия вызывают особый интерес в связи с ещё одним немаловажным фактом, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемой теме. В 1719 г. астраханский губернатор⁴ А. П. Волинский доложил Сенату, что во вверенном ему регионе «надобно иметь несколько полков и полевых пехотных, также конных... и притом человек тысячу и нерегулярных»⁵. Откликаясь на пожелание Волинского, 18 января⁶ 1720 г. Пётр I предписал постоянно иметь в Астраханской губернии 4 пехотных гарнизонных полка, получивших названия Смоленского, Козловского, Селиванова и Терского. Позднее к ним прибавился ещё один драгунский полк. 11 ноября 1727 г. Верховный тайный совет по докладу Военной коллегии постановил переименовать астраханские полки, основываясь на местных топографических ориентирах. В результате этой акции полки были названы, соответственно: Симбирским, Самарским и Царицынским. Терской полк сохранил прежнее имя, а Драгунский полк стал называться Астраханским драгунским⁷. В соответствии с утверждённым Воинской комиссией в

¹ Ныне г. Волгоград.

² Ныне г. Камышин Волгоградской обл.

³ Ныне пос. Чёрный Яр находится в Астраханской обл.

⁴ Астраханская губерния учреждена по указу Петра I от 22 ноября 1717 г. В указанный период она охватывала территорию от Астрахани до Самары включительно.

⁵ Казакова Е. В. Волинский А. П. (1689–1740) // Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. С. 25.

⁶ Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

⁷ Записки, собранные по повелению императора Павла I о начале регулярного войска, о ново и славяно-сербских поселениях, о полках гусарских и пандурских и о военных школах // Сборник военно-исторических материалов. Вып. XVI. СПб., 1904. С. 89, 93, 96; [Долгоруков С. Н.] Хроника Российской Императорской армии. Из разных сведений собрана генерал-майором Государственной военной коллегии членом и ордена Святыя Анны первой степени кавалером князем Долгоруким. СПб., 1799. № 137,139 [без пагинации].

1731 г. штатом, военные отряды из состава этих полков должны были командироваться на Яик и Ахтубу, а также «в Царицын с линиею и Качалиным»⁸ – из Астраханских пехотных 5 рот, да драгун 2 роты, да в 10 редутах или шанцах – из пехоты обер-офицер с 2 ротами. В Дмитриевск на Камышенке... капитан с 2 ротами»⁹.

В 30–50-е гг. XVIII в. в Саратове, Царицыне и Дмитриевске постоянно находились роты, командированные из полков Астраханского гарнизона¹⁰. По указу Военной коллегии от 26 февраля 1757 г. саратовскую роту, «за крайним в Астрахани в людях недостатке», предполагалось отозвать¹¹. В случае необходимости местному руководству оставалось довольствоваться воинскими подразделениями от временно квартирующих частей, а также местной казачьей команды. В ней, по данным на 9 февраля 1760 г., состояло 193 чел., однако фактически имелось лишь 47 казаков, 10 числились больными, а остальные были поровну разделены между Низовой соляной конторой и чиновниками, состоявшими «при калмыцких делах»¹². Низовая Соляная контора имела в своём подчинении воинскую команду, чины которой осуществляли охрану промыслов и складов, сопровождали транспорты, вели борьбу с незаконной добычей и торговлей солью. Таким образом, к середине 60-х гг. XVIII в. важнейший центр Нижнего Поволжья и «знатной»¹³ город Астраханской губернии столкнулся с недостатком воинских людей. Причём не хватало не только гарнизонных солдат, но и служащих полиции, которых уже в 1763 г. дополнительно присылали из губернской столицы¹⁴. Значительно лучше обстояло дело в Царицыне, где постоянно находились значительные по численности вооружённые формирования, а регулярную службу на линии несли несколько сотен донских казаков и пять эскадронов Астраханского гарнизонного драгунского полка. Службу на линии несли квартировавшие в Царицыне¹⁵. Здесь же располагались управление Астраханского артиллерийского департамента, артиллерийская и инженерная команды. Такие же команды имелись и в соседнем Чёрном Яре¹⁶.

Жалобы региональных властей на малочисленность местных воинских формирований красной нитью проходят через всю историю Российского государства. Пока армия вдалеке от России решала внешнеполитические проблемы государства, внутри него хозяйничала вольница всех мастей, а огромные территории оказывались по сути неподконтрольными центральным властям. Положение несколько исправляли периодические командировки в беспокойные районы казаков и расквартирование в них полевых полков. Между тем существовавшие в России гарнизонные части, «неся всю тяжесть гарнизонной, конвойной и рабочей службы и не имея,

---

⁸ Станица Качалинская на Дону, ныне г. Качалино в Волгоградской обл. В XVIII–XIX вв. здесь находилась пристань, на которую по сухопутной «переволоки» с Волги и в обратном направлении доставлялись различные грузы.

⁹ Записки, собранные по повелению... С. 100; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 206–207.

¹⁰ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2407. Л. 9–9 об. Подробнее о саратовском гарнизоне на рубеже XVII–XVIII в. см.: *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Саратов петровского времени. Саратов, 1997.

¹¹ ГААО. Ф. 394. Д. 1976. Л. 1; Д. 3898. Л. 11 об.

¹² Там же. Д. 2244. Л. 8 об.

¹³ См.: *Миллер Г. Ф., Полунин Ф. А.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. 350; *Бульчев М. В.* Торговля Саратова во второй четверти XIX века // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения I–III чтений. Саратов, 1993. С. 12; *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства. Ч. 7. «Ц - Ф». М., 1809.

¹⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Т. 1. Д. 2408.

¹⁵ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 131. Д. 1-49. Л. 1–4 об; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1331. Л. 244; Д. 1354. Л. 174; ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2315. Л. 9-9 об; Д. 2468. Л. 307–307 об, 308–309, 314–315; ПСЗ I. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. Отд. 1. № 12304; По отзыву одного иностранца, относящемуся к концу 50-х гг. XVIII столетия, русские драгунские полки «и названия конницы не заслуживают, да и офицеры их очень просты» (см.: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. XII. С. 625). С этим мнением солидарен Д. Ф. Масловский, не без основания относивший драгунские полки к числу гарнизонных (см.: *Масловский Д. Ф.* Русская армия Екатерины Великой // Военный сборник. 1892. № 5. С. 32). С конца 1764 г. Астраханский полк утратил статус гарнизонного и стал называться просто драгунским (Материалы для российской военной истории // Славянин. 1827. № LXI. С. 43).

¹⁶ ПСЗ I. Т. XVI. № 11818.

поэтому, времени подготавливаться к полевому делу», по словам русского военного историка А. К. Баиова, пришли к середине XVIII в. «в полное расстройство». Малые средства, выделявшиеся казной на их содержание, развили в них воровство, а постоянный выбор в армию лучших воинов с заменой их больными или нравственно испорченными офицерами и солдатами совершенно подрывал престиж службы в этих частях. Всё это способствовало упадку боеспособности гарнизонных формирований, что не могло не беспокоить правительство¹⁷. К началу правления императрицы Екатерины II относится ряд преобразований, редко отмечаемых в работах по истории вооружённых сил, имевших, однако, непосредственное отношение к появлению в Саратовском Поволжье постоянных гарнизонов¹⁸. Одним из первых шагов царствования государыни, призванных решить злободневную проблему, стало учреждение 10 октября 1762 г. губернских рот, в задачу которых входило сопровождение и охрана различных казённых грузов и имущества, «искоренение воров и разбойников». Их численность определялась утверждёнными 15 декабря следующего года новыми штатами губернских учреждений. Кроме губернских рот в уездных городах создавались небольшие «штатные» воинские команды с теми же функциями¹⁹. Вслед за ними преобразованию подверглись и собственно военные части. В начале 1764 г. в русской армии было 55 так называемых «остзейских», расположенных в западных районах империи, и внутренних гарнизонных полков, в числе которых 7 были драгунскими²⁰. Служившие в остзейских полках находились на привилегированном положении, получая 2/3 содержания полевых частей. Внутренним полкам приходилось довольствоваться только половинным окладом жалованья своих армейских коллег. Сложившаяся структура местных воинских формирований, практически не изменившаяся со времени появления гарнизонов при Петре I, явно нуждалась в модернизации. 19 апреля 1764 г. Екатерина утвердила представленный ей доклад Военской комиссии, в котором указывалось на отсутствие «точного и основательного ... положения» о гарнизонах и их «худое положение». С годами возникла путаница, когда многие полки, числясь в одной крепости или городе, находились в других, а потому «в иных крепостях состоит число гарнизонных полков излишнее, а в иных недовольное: следовательно, в одних люди несут излишнюю тягость, а в других употребляется на них только напрасное и бесплодное содержание». В то же время, в некоторых местах, «где б для земского управления, как-то: для препровождения казны, амуниции, колодников, сыску воров и прочего, и надлежало гарнизонам быть, но ничего не расположено»²¹. Как отмечают современные исследователи, в начале 60-х гг. «гарнизоны ... из-за хронического некомплекта лишь формально можно было считать полками и батальонами»²². Согласно положениям доклада, с целью экономии средств часть гарнизонных полков были переименованы в батальоны. Сами батальоны разделялись на «пограничные», расположенные преимущественно в западных районах империи, и «внутренние». В соответствии с этим разделением отличались и их штаты. Помимо пяти строевых мушкетёрских и одной инвалидной рот пограничные батальоны имели в своём составе ещё и мастеровую роту. В составе внутренних батальонов 30 мастеровых с одним сержантом и двумя капрами числились в инвалидной роте. Утверждённым положением мушкетёрским ротам, «состоящим из отставных армейских солдат», предписывалось «исполнять всю военную службу по гарнизону». Инвалидные роты предполагалось комплектовать «из отставных от строевых рот, которые в награждение за службу их пользуются довольным жалованьем и мундиром, службу же отправлять будут самую покойную, ... а на часах им сто-

¹⁷ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. Вып. IV. Эпоха императрицы Елизаветы. СПб., 1909. С. 15.

¹⁸ См. подробнее: Бородкин М. М. Русская армия при Екатерине II // Военный сборник. 1909. № 8. С. 1–3.

¹⁹ ПСЗ I. Т. XVI. № 12187; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1355. Л. 30. См. также: Амиров Р. Э. Армия как полицейская сила в механизме Российского государства в период становления и укрепления абсолютной монархии. Уфа, 1997. С. 16.

²⁰ Богданович М. И. Русская армия в век императрицы Екатерины II. СПб., 1873. С. 6.

²¹ ПСЗ I. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. № 12135.

²² Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота: 1698–1801. М., 1995. С. 73.

ять при шпаге с тростию; чего для ружьё им не полагается; для лучшего ж им покою, могут сии инвалидные иметь лавки или стулья; командировок же и посылок из той роты, ни под каким видом никуда вон из крепости или города не делать»²³.

Новое положение точно устанавливало служебные обязанности гарнизонных батальонов: «Когда случаться в тех местах, где гарнизонные батальоны определены, пехотные полки, то сии должны содержать гаубтвахты и всю крепость, и все знатные посты, употребляются для искоренения воров и разбойников, для усмирения в непослушание пришедших крестьян и в той провинции, где непрменные свои квартиры имеют; а гарнизонным остаётся тогда только содержать караулы, у всей внутренней городской экономии и устроений, как-то: у церквей, магазинов, у почтового двора, у госпиталей, у школ, садов, и цейхгаузов, у денежных сборов и у прочих подобных сему мест, также и главные форпосты ... к приёму провианта и фуража, к строению и тому подобно; а за тем все оставшие употребляются в крепостную и городскую в государеву работу с заплаотою; когда же полевых полков не случится, то караулы и всё прочее, что на полевых солдат положено, отправлять гарнизону». В свободное время солдат строевых рот предписывалось «обучать ружьём, хотя не с такою строгостью, как в полевых полках, однако же стараться, чтоб были в том довольно обучены,.. а особливо того наблюдать, чтоб солдаты караулы содержали в предписанном военным регулом порядке, и стрелять хорошо и верно умели»²⁴. Важное положение содержал 11 пункт доклада Военной комиссии. В соответствии с ним предписывалось исключать из каждой роты по 6 рядовых, «а на вакансии оных содержаться имеют школьники из солдатских детей, которые под присмотром комендантским будут обучаться грамоте и арифметике и музыке и в надлежащем присмотре содержаны будут, дабы чрез то к службе Вашему Императорскому Величеству годны быть могли». Школы, как и гарнизонные батальоны, передавались в ведение комендантов, которые должны были «об них губернаторов своих рапортовать, и по всем получаемых от оных ордерам исполнение чинить,.. а месячные рапорты о состоянии людей и числе школьников... отсылать прямо в Военную коллегия». На средства, полученные от убавления числа рядовых в ротах, предписывалось «построить школу каменную, а по нужде на первый случай деревянную, ежели есть какое каменное²⁵ строение, то истребовать оное от городу, и починкою исправить, употребляя к тому строению и починке гарнизонных солдат». Школьников предполагалось «обучать всему строевому и до воинской службы и её порядку принадлежащему, грамоте, арифметике, музыке, барабанщицей науке, играть на флейте, разделяя на сии науки часы по пристойности; по субботам же читать пред школьниками из Военного артикула, о предпочитании команды, и прочие приличные пункты, касающиеся до повиновения, и какие наказания определены,.. а к обучению школьников употреблять из гарнизонных офицеров, а в недостатке оных, требовать от Канцелярии артиллерии и фортификации». Когда же «из сих школьников кого потребуют в полевые полки, в флейщики, барабанщики, музыканты, или в писари, таких отпускать без задержания; а в солдаты отдавать не меньше 16 лет»²⁶. Учитывая, что народное училище в Саратове было открыто лишь в 1786 г., гарнизонная школа стала первым государственным учебным заведением, дававшим светское образование²⁷.

В соответствии с утверждённым 19 апреля 1764 г. «Генеральным наставлением» гарнизонные батальоны «на внутреннем окладе» со штатом в 775 военнослужащих учреждались в Саратове и Царицыне. На формирование первого выделялся батальон из Симбирского гарнизонного полка. Царицынский батальон был создан на основе батальона Самарского гарнизон-

---

²³ ПСЗ I. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. № 12135; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Указ. соч. С. 135.

²⁴ ПСЗ I. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. № 12135.

²⁵ Напротив этих слов императрица приписала: «Каменное и ни к чему нужнейшему не употреблённое».

²⁶ Там же.

²⁷ См.: *Плешаков И. Н.* Военное образование в российской провинции во второй половине XVIII — начале XX вв. (По материалам Саратовской губернии) // Прихопёрье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIII историко-краеведческой конференции 21 ноября 2003. Балашов (Саратовская область), 2004. С. 35.

ного полка²⁸. Тогда же был решён вопрос о воинских командах в других городах Астраханской губернии. Из состава Саратовского и Царицынского батальонов, соответственно, в Дмитриевск и Енотаевскую крепость на Волге должны были командироваться строевые роты. В Чёрный Яр отправлялась рота из Астраханского гарнизона²⁹.

19 апреля 1764 г. для гарнизонных батальонов были утверждены новые знамёна: «зелёные с наугольниками чёрными» и гербами тех городов, в которых они располагались. За эталон взяли недавно утверждённые образцы знамен пехотных полков³⁰. 27 июля того же года императрица утвердила новое положение о генеральских и офицерских мундирах. Форма для служащих гарнизонных батальонов устанавливалась по общему армейскому образцу, с незначительными отличиями. На волю комендантов отдавался выбор цвета погон и кистей на шляпах³¹. После осуществления реформы, по сведениям на середину 1764 г., в русской армии состояло 83 гарнизонных батальона со штатной численностью в 64136 военнослужащих³².

В Царицыне батальон формировал комендант полковник Астраханского гарнизонного драгунского полка Василий Чистенин (Чистяков), а после его отставки «за старостию и слабостию здоровья» в мае 1765 г. – новый комендант полковник Иван Дебоксберг³³. Саратовский батальон был передан в ведение коменданта полковника Томаса Андреевича Юнгера. Его предок эмигрировал из Шотландии после поражения короля Карла I в Гражданской войне в середине XVII в. и, приехав в Россию, поступил на службу государю Алексею Михайловичу. Отец Т. А. Юнгера – один из «петровских полковников», сформировавших в 1700 г. полк своего имени, позже получивший название Владимирского пехотного, «имел чин бригадира и был в Дербенте комендантом, потом в Астрахани обер-комендантом»³⁴.

Первым командиром Саратовского гарнизонного батальона стал 47-летний премьер-майор Владимир Бессонов, направленный в город из состава астраханского гарнизона. Бессонов происходил из бедных дворян Владимирской губернии, где имел в конце 60-х гг. всего 5 душ мужского пола. В армию он поступил в 1731 г. и в первые годы был писарем в Астраханских гарнизонных полках. В 1739–1741 гг. Бессонов находился в Оренбурге у «покорения башкирских замешаней», в 1747 г. на форпостах по Волге и, с того же года по 1750 г. в Кизляре на форпостах по Тереку. Впереди офицера ожидала незавидная судьба. 3 июня 1768 г. находившийся в Саратове астраханский губернатор Н. А. Бекетов увидел, как Бессонов «будучи на улице пьян, чинил вздор и крик с рагатошным караульщиком и столь притом был безобразен, что по вопросу моему о том крике, подошед ко мне к самому лицу и, смотря мне в глаза, спрашивал меня, кто я таков». Не раз замеченный в «безмерном пьянстве», Бессонов умудрился не узнать хорошо известного ему по нескольким годам службы в Астрахани губернатора. Оскорблённый Бекетов приказал коменданту Т. А. Юнгеру арестовать офицера

²⁸ Долгоруков С. Н. Указ. соч. № 132, 137, 139; [Лебедев А.] Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. Материалы для русской военной истории. Изданы Андреем Лебедевым по рукописи, ему принадлежащей. М., 1898. С. 77-78, 81. Позднее в Чёрный Яр командировалась 4-я рота 1-го Царицынского батальона со штатной численностью 123 военнослужащих. См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1320. Л. 120 об.–121; Д. 1337. Л. 238; Д. 1355. Л. 12.

²⁹ ПСЗ I. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. № 12135. Позднее в Чёрный Яр командировалась 4-я рота 1-го Царицынского батальона со штатной численностью 123 военнослужащих (см.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1320. Л. 120 об.–121; Д. 1355. Л. 12). В конце 70-х гг. здесь располагаются «от Енотаевского гарнизона роты» (А. В. Суворов. Сборник документов. М., 1951. Т. II. С. 169).

³⁰ ПСЗ. Т. XVI. № 12133.

³¹ Там же. № 12214.

³² Лебедев А. Указ. соч. С. 3.

³³ ГАО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2468. Л. 187 об.–188. После отставки В. Чистенина должность коменданта временно исполнял премьер-майор Воробьёв (Там же. Л. 182 об.).

³⁴ Брат саратовского коменданта Иван Андреевич, купивший в 1745 г. земли в Аткарской округе, дал своё имя населённой тогда же деревне Юнгеровке. Умер около 1755 г. в звании подполковника. Сын Т. А. Юнгера – Егор Томасович, сначала в воинской с 1757 г., а с 1781 г. в гражданской службе достиг чина статского советника, избирался саратовским уездным, а в 1807–1810 гг. губернским предводителем дворянства, являлся главным попечителем лютеранского церковного конвента в Саратове. Е. Т. Юнгеру принадлежали крестьяне в с. Юнгеровке и Нескучном Саратовского уезда (ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 113. Л. 21; Ф. 19. Оп. 1. Д. 141. Л. 37 об.–38 об.; Д. 168. Л. 1, 10 об.–11; Ф. 179. Оп. 1. Д. 117. Л. 2–2 об.).

и снял его с должности батальонного командира. Военная коллегия утвердила решение губернатора, высказав ему, однако, претензию за то, что он, не имея на то права, сместил со своего поста подведомственного ей военнотружашего. Бессонов был не только снят с должности, но и изгнан со службы. Правда, учтя беспорочную до того момента службу офицера, Военная коллегия уволила его подполковником по собственному прошению - «за слабостью здоровья». При увольнении В. Бессонов дал подписку «о непрощении им впредь пропитания», надеясь существовать за счёт принадлежавших ему крепостных в селении Кустово Переславль-Залесского уезда, но, приехав туда, он «не токмо оных крестьян,.. но и никакого себе пристанища не обрёл; за небыванием с самой службы в домовых отпусках некоторые из оных крестьян от беспризрения неведома куда разбрелись». Бессонов вернулся на Волгу к сыну, служившему в Астраханском драгунском полку на Царицынской линии, но тот вместе со своей частью ушёл на войну против Османской империи. За пять лет В. Бессонов истратил «на пропитание» всё имущество и в апреле 1774 г. решил, наконец, обратиться за помощью к властям, надеясь, что новый губернатор едва ли знал о скандальных обстоятельствах его увольнения. В прошении на имя П. Н. Кречетникова он указал, что ему «в отставке впредь питатца нечем и пришёл в совершенное убожество и как он от прежде бывшей болезни чувствует облежнение и несколько в военной службе продержаться может», просил определить его «хотя прежним чином премьер-майором и батальонным командиром Астраханского гарнизона в батальоны на вакансию» или сверх комплекта в Саратовский батальон. Губернатор выбрал последний вариант, но о последствиях этого решения ничего неизвестно³⁵.

Сразу после отставки В. Бессонова Военная коллегия начала подыскивать ему преемника. Выбирали между несколькими офицерами. Наиболее вероятной кандидатурой был секунд-майор того же Саратовского батальона Константин Дмитриевич Любовцев³⁶, но он, на его же беду, находился в отпуске. Выбор между остальными претендентами был уже несложен. Решение подсказал обер-комендант генерал-майор фон Розенберг, сообщивший коллегии, что следующий по старшинству пожилой секунд-майор Пётр Дмитриев из 4-го астраханского батальона «грамоте читать и писать не умеет, а только с нуждою имя своё подписывает» и, к тому же, «военной эскерции не знает». В связи с этим в августе 1768 г. Военная коллегия утвердила на этом посту секунд-майора 2-го Астраханского гарнизонного батальона Андрея Михайловича Салманова³⁷. В деревне Лысые Горы Петровской провинции Казанской губернии в начале 60-х гг. он владел 19 душами мужского пола³⁸. За плечами офицера было участие в нескольких военных кампаниях. Впереди - бесславное крушение карьеры в результате измены во время Пугачёвского бунта.

Формирование гарнизонных батальонов в Саратове и Царицыне происходило за счёт нижних чинов и командного состава других воинских подразделений, рекрутов и солдатских детей. Так, весной 1765 г. в их состав были зачислены трое офицеров, служивших прежде в упразднённых «морских полках»³⁹. 31 мая того же года Военная коллегия повелела передать в Астраханский гарнизонный драгунский полк «для укомплектования оного вместо малорослых и неспособных к кавалерийской службе из астраханских, царицынского и саратовского батальонов рядовых и других нижних чинов»⁴⁰. Тогда же астраханский обер-комендант генерал-майор фон Розенберг доложил Военной коллегии о большом некомплекте в формирующихся саратовском и царицынском батальонах, достигавшем в общей сложности 616 человек, т. е.

³⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4/93. Д. 1070. Л. 1–4; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 31. Л. 33–33 об; Ф. 394. Оп. 1. Д. 2468. Л. 194.

³⁶ Саратовский помещик К. Д. Любовцев в 1790–1795 гг. был аткарским уездным предводителем дворянства (*Подъяпольская Е. П.* О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда // Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 2. Саратов, 1927. С. 204).

³⁷ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4/93. Д. 1070. Л. 5–15.

³⁸ *Подъяпольская Е. П.* Указ. соч. С. 208.

³⁹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2468. Л. 182 об.

⁴⁰ Там же. Л. 195.

почти половины их штатной численности. Указом от 14 июля 1765 г. Военная коллегия предписала произвести в следующие чины «достойных и старших» солдат батальонов и набрать недостающее число из инвалидных команд Казанской губернии, выбрав «таких, кои гарнизонную службу снести ещё могут»⁴¹. В процессе формирования батальонов встречались и неожиданные препятствия. Присутствующий Низовой соляной конторы коммерции советник Мясоедов, вопреки указу военной коллегии от 6 мая 1764 г. отнюдь не спешил отправлять находившуюся в его подчинении воинскую команду «для уформирования... в Саратове батальона». Астраханский губернатор Н. А. Бекетов докладывал в Правительствующий сенат, что если Мясоедов не отпустит из конторской команды в саратовский батальон воинских чинов, «то по самом крайнем недостатку во оном батальоне людей, а паче по большому состоянию его не в комплекте в случае поимки появившихся воров и разбойников и прочих самонужнейших казённых исправлений может последовать во всём крайняя остановка и упущение». Сенат повелел отпустить из команды соляной конторы переведённых в саратовский батальон воинских людей, оставив «из них сколько необходимо потребно»⁴². Уже в том же 1765 г. служащие Царицынского гарнизонного батальона были привлечены к первым серьёзным служебным заданиям. По распоряжению Н. А. Бекетова они участвовали в удержании калмыков Дербетевского улуса от самовольного перехода с правого берега Волги на левый, где они должны были находиться по воле императрицы⁴³. Тогда же для сопровождения «отправляющихся на поселение чрез Москву в Саратов иностранных колонистов» были командированы офицеры и нижние чины Саратовского батальона⁴⁴. В 1770 г. вновь дали знать о себе калмыки, предпринявшие неожиданное бегство в джунгарские степи. Преследовать их довелось в том числе и военным Царицынского батальона. В 1771 г. специально для обслуживания линии в городе был сформирован второй гарнизонный батальон. Кроме этого, служащие обоих царицынских батальонов получили повышенное содержание по «пограничному» окладу. Формирование 2-го гарнизонного батальона в Царицыне происходило на основе личного состава упразднённых драгунских полков⁴⁵.

Сложившаяся в Саратовском Поволжье к началу 70-х гг. структура местных гарнизонных формирований оставалась практически неизменной до начала XIX в., что само по себе свидетельствует о её эффективности. Дальнейшие преобразования в ней произошли во время масштабных реформ в русской армии, связанных с участием России в наполеоновских войнах. Благодаря реформе 1764 г. в Саратове и Царицыне появились гарнизонные школы, ставшие первыми государственными учебными заведениями в регионе, имевшими гражданскую программу.

---

⁴¹ Там же. Л. 260–260 об, 411–412.

⁴² Там же. Л. 336–336 об.

⁴³ ПСЗ. Т. XVI. № 12198; Протокол III Общего собрания членов Саратовского учёной архивной комиссии. 6 марта 1887 г. Приложение № 2. Саратов, 1887. С. 19, 22.

⁴⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2468. Л. 49.

⁴⁵ Т. е. 2/3 от жалованья солдат и офицеров полевых войск. См.: ПСЗ. Т. XLIII. Ч. 1. Кн. штатов. Отд. 1. № 13649; Долгоруков С. Н. Указ. соч. № 137.